

European
University
Institute

ROBERT
SCHUMAN
CENTRE FOR
ADVANCED
STUDIES

КАРИМ Восток – Консорциум прикладных исследований по международной миграции

Финансируется совместно с Европейским Союзом

Ксенофобия и мигрантофобии в России: истоки и вызовы

Владимир Мукомель

Пояснительная записка 13/96

Социально-политические рамки миграции

Июль, 2013

© 2013. Все права защищены.
Ни одна из частей данного документа не может быть распространена, цитирована или воспроизведена в какой либо форме без разрешения проекта Карим Восток.

Ксенофобные настроения, всегда присутствующие в обществе¹, получили широкое распространение в 2000-х годах. В 2002-2012 гг. более чем на четверть снизилась доля респондентов, не чувствующих враждебность к представителям других национальностей. Лозунг «Россия для русских», поддерживаемый не только русскими, но и представителями традиционных для России меньшинств, пользуется в 2000-х гг. все возрастающей популярностью. В ноябре 2012 г. только 23% респондентов отнеслись к нему отрицательно, полагая, что это настоящий фашизм - против 30% в 1998 г. (Левада-Центр 2012 а, с.176, 179).

Против кого направлена ксенофобия? Как мигрантофобии связаны с ксенофобией? Каковы скрытые глубинные факторы, обуславливающие рост ксенофобных настроений и обусловленной ими агрессии к «чужим»? Имеется ли связь между распространенностью ксенофобии и функционированием социальных институтов, социальным устройством?

Объекты и дискурс ксенофобии

Ксенофобия в России имеет несколько измерений, из которых важнейшими являются: этническое (этнофобии), миграционное (мигрантофобии), религиозное (исламофобия, в первую очередь) и по гражданской принадлежности (наличие/отсутствие российского гражданства)². Преувеличенное значение этничности пронизывает многие аспекты общественных дискуссий по проблемам социально-экономической и политической жизни, а обсуждение социальных проблем, зачастую без всяких на то оснований, переводится в этническую плоскость.

«Пришлось», по-видимому, не менее важна, чем этничность: традиционные для данной конкретной местности меньшинства рассматриваются этническим большинством как «свои». «Пришлось», накладывающаяся на принадлежность к этническому меньшинству, усугубляет антимигрантские настроения. А так как принимающее население сталкивается в основном с иноэтничными мигрантами, то и мигрантофобии имеют явную этническую этиологию.

Ситуация еще более осложняется, когда иноэтничные мигранты принадлежат к религии (конфессии), не разделяемой принимающим большинством, и не имеют российского гражданства. Среднеазиатские мигранты, выходцы из Азербайджана, таким образом, принадлежат к наиболее уязвимым группам мигрантов в большинстве регионов России.

Отчасти это так: россияне относительно толерантны в основном к приезжим из Украины, Молдовы, Белоруссии, визуально не выделяющимся в принимающем сообществе. В отношении других этнических групп у респондентов преобладает раздражение, неприязнь, недоверие.

Отношение к вышеназванным этническим группам не меняется многие годы, либо меняется незначительно (Мукомель 2005, с.69,77; Мукомель 2011, с.37). Исключение составляют внутренние мигранты с Северного Кавказа – рост ксенофобии к ним несомненен. После событий на Манежной площади поддержка лозунга «Хватит кормить Кавказ» не опускается ниже 57% и в ноябре 2012 года составила 65% (Левада-Центр 2012 а, с.179).

Рост ксенофобии в 1990-х гг. объяснялся, во-первых, травматическим шоком, вызванным коренными социально-политическими и экономическими преобразованиями российского общества, а, во-вторых, ликвидацией сдерживающего правоохранительного начала.

В результате адаптации россиян к новым реалиям практически сошли на нет - по крайней мере, в общественных дискуссиях - фобии утраты ресурсов, характерные для 1990-х гг. (за исключением опасений конкуренции за рабочие места и демпинга в оплате труда), столь же

¹ Признание наличия ксенофобии не является однозначно негативной оценкой состояния общества. Проблема в том, насколько распространены ксенофобные настроения, и в какой мере они угрожают социальной стабильности.

² В настоящее время, наряду с традиционными фобиями, отмечается всплеск гомофобии.

распространенные тогда, как и фобии утраты идентичности (Левада 2000, с.433). Фобии утраты идентичности усилились, однако изменился дискурс: масс-медиа и публичные политики предпочитают апеллировать к «культурной матрице», «культурному коду», «культурным скрепам», и т.п. При этом культура понимается как этнически имманентная, хотя «идея врожденной культуры, национального характера и тому подобное в современной социологии либо полностью дискредитированы, либо сданы в архив» (Штомпка 2012, с.243). «Культурный расизм», заменяющий иерархию рас биологического расизма на представления о несовместимости «культур», вреде их смешения, сегодня более распространен, чем «классический» расизм (Осипов 2010, с.15).

Б. Парех указывает на изъяны такого дискурса применительно к мигрантам: не следует думать, что общество, бывшее гомогенным до иммиграции, станет таковым и после ее прекращения. Так как иммигранты принадлежат к различным религиозным, этническим и иным группам, сложно игнорировать их различные ожидания, культурные ресурсы и способы отношений с обществом. Разнообразие как результат иммиграции не обязательно глубже и более интенсивно, чем уже присущее в принимающих обществах, где имеются различные взгляды на гомосексуальность, однополые браки, сожительство, отношения между родителями и детьми, семейную дисциплину, капиталистическую экономику, уважение к закону. Почти по всем таким вопросам иммигранты более консервативны, чем принимающее большинство; моральные и культурные барьеры между ними и обществом меньше, чем между членами самого принимающего общества (Parekh 2008, p.81).

Возросшие масштабы миграции и их структурная трансформация сыграли некоторую роль в росте ксенофобии, переориентации радикальных националистов на борьбу с наплывом иноэтничных мигрантов (Бызов 2012, с.162), но еще в конце прошлого века сформировалась определенная политическая философия антимиграционизма, в основе которой лежат расово-этнические аргументы и образы (Зинченко, Логинова 2011, с.570).

Вероятно, рост ксенофобии в различных ее проявлениях в 2000-х гг. обусловлен не только внешними факторами, но и глубинными, фундаментальными факторами трансформации и функционирования российского общества.

Ксенофобия и российское общество в контексте культуры доверия

Запрос на трансформацию социальных и политических институтов сформировался не сегодня. В первую очередь, россиян не устраивает все возрастающее социальное неравенство, в первую очередь, неравенство в доходах: коэффициент Джини, составлявший в 1995 году 0,387, вырос до 0,397 в 2001 и составил 0,420 в 2012 г. (Росстат 2013).

Избирательное правосудие, социальное неравенство в сфере образования, здравоохранения, отсутствие социальных лифтов для молодежи, чувство незащищенности перед властями усугубляют неудовлетворенность повседневностью. По субъективной оценке удовлетворенностью жизнью своих граждан (experienced well-being) Россия занимает место во второй сотне стран (НРИ 2012, p.25).

Социальное неравенство порождает недовольство: «в условиях нелегитимности в общественном сознании подобных [социальных – В.М.] неравенств, они оказывают серьезное влияние на дестабилизацию российского общества и нарастание в нем социальных противоречий» (Горшков 2010, с.3).

Еще в 1990-х гг. отмечалось: «в российском социуме низок уровень взаимного доверия людей, для него типичны взаимное безразличие, ограниченность реципрокного (т.е. основанного на взаимном исполнении обязанностей) поведения «родственно-дружеским» кругом, а чувство долга – масштабами семьи» (Дилигенский 1998, с.230). Низкий уровень

межличностного доверия и доверия к социальным институтам фиксируется в 2000-х гг. как социологическими центрами, так и специалистами [ФОМ 2008а; ФОМ 2008 б; Сасаки, Латов и др. 2010; Голенкова, Игитханян 2012, с.198-199]. Особо настораживает, что на всем протяжении 2004-2012 гг. вера в людей ослабевала³.

Межличностное недоверие сказывается, в первую очередь, на прямых межличностных контактах с конкретными представителями меньшинств (этнических, мигрантских, религиозных и т.п.).

Другой, более широкий круг доверия охватывает категории людей, объединяемые в нашем представлении в воображаемые сообщества: этнические группы, религии, расы и т.п. В этом случае доверие к конкретным лицам переходит в доверие к более абстрактным общественным объектам. Такая форма доверия часто опирается на стереотипы и предубеждения. А так как импульс доверия относится исключительно к людям, «чтобы его погасить, достаточно дегуманизировать, овеществить адресат доверия, лишить его человеческих черт: индивидуальности, само/утверждения, достоинства, автономии» (Штомпка 2012, с.117, 157-158). Недоверие, базирующееся на деперсонализации, провоцирует ксенофобию ко всем членам воображаемого сообщества.

Особая проблема – институциональное доверие. В Российской Федерации 44% граждан утверждают, что они доверяют политическим институтам. Этот процент существенно ниже среднего показателя по ОЭСР, равного 56% (OECD 2013).

С начала 1990-х гг. уровень доверия к отдельным государственным институтам (парламенту, региональным и местным властям, политическим партиям, полиции, судам) стабильно низок (Левада-Центр 2012 б). При этом уровень доверия к институтам неуклонно снижается с 2008 г. (Голенкова, Игитханян 2012, с.276-277).

В обществе идет эрозия культуры доверия, сопровождающаяся экспансией культуры недоверия, для которой характерны anomia, нестабильность общественного порядка, непрозрачность институций, чуждость окружения, безответственность других людей и институтов (Штомпка 2012, с. с.300 – 305, 414). Не последнюю роль в эрозии культуры доверия играет социально-политическое устройство современной России. Выстраивание вертикали власти и ее централизация снижает потребность власти в доверии граждан: «в случае полного контроля над каким-то явлением доверие, естественно, не играет никакой роли... Полная власть не требует доверия». (Штомпка 2012, с. 71, с.379).

Становление культуры недоверия сочетается с низким уровнем лояльности и солидарности: нарастание недовольства сложившейся в стране ситуацией во всех группах россиян (Левада-Центр 2012а, с.22), наряду с нарушением базовых принципов справедливости, ощущение «неправильности» происходящего «приводит к нарастанию атомизации, разрушающей непосредственно переживаемое чувство органической общности нации и, тем самым, устойчивой социальной солидарности россиян» (Тихонова 2013, с.289). Это подрывает фундаментальные ценности россиян.

Русская культура (по Г. Хофстеду) относится к культурам коллективистского типа с высоким уровнем избегания неопределенности (что выражается в высоком уровне тревожности и тенденции к «выбросу энергии», агрессивному поведению), с высоким уровнем дистанции власти. В ней преобладают (по Р. Ингельхарту) «традиционные» ценности (высокая значимость семьи, уважения власти, религии, сочетающиеся с социальным конформизмом, открытости националистическим взглядам) и ценности «выживания», для которых характерны значимость

³ В эти годы Левада-Центр ежегодно задавал вопрос: «Как изменилась за минувший год Ваша вера в людей?». Отваживших, что она ослабла, в среднем было в 2,5 раза больше тех, в ком она укрепилась. (Рассчитано по: [Левада-Центр 2012 а, с.8]).

безопасности, ощущение угрозы со стороны иностранцев, представителей других этнических групп, лиц, придерживающихся иной культуры. В русской культуре выражены (по Ш.Шварцу) ценности принадлежности к коллективу и ценности «иерархии» (Лебедева 2011).

Половина российских респондентов ориентируется на подчинение и слабо ориентируется на самостоятельное социальное действие. Для них характерно придание высокой важности иерархическим отношениям в обществе, получению и исполнению сигналов «сверху» и руководству стоящими ниже их в статусной иерархии. Недоверие к окружающим сочетается у них с повышенным доверием к властным фигурам. Лишь у 3% российских респондентов преобладают альтернативные ценности инициативной автономии. Промежуточных ценностей придерживается 46% респондентов (Магун, Руднев 2013).

Недовольство принципами распределения и социальной несправедливостью подрывает среди россиян веру в фундаментальные ценности и чреват сомнениями в легитимности существующего порядка. Власти отдают отчет в опасности размывания традиционных ценностей, дестабилизации основ культуры, в первую очередь – почтительности к власти, лояльности, признания легитимности сложившегося порядка.

Выход ищется, во-первых, в эксплуатации традиционных ценностей «порядка»⁴ и апелляции к «стабильности». Во-вторых, в пресечении различных форм неуправляемой инициативы и солидарности, идущих снизу. В-третьих, в переформатировании солидарностей. Однако при любых вариантах выстраивания «новых солидарностей», потенциальные объекты ксенофобии (этнические, мигрантские, религиозные меньшинства, иностранцы) оказываются априори «чужими».

Этническая солидарность занимает неподобающе значимое место в пространстве иных групповых солидарностей. И хотя этническая солидарность может прямо коррелировать с гражданской (Дробижева, Рыжова 2010), социологи отмечают, что солидаризация в немалой степени основана на обидах, особенно, среди русских (Дробижева 2013, с.244).

Рост агрессивности, озлобленности среди окружающих на протяжении 2000-х гг. отмечали от 15 до 18 % респондентов (Левада-Центр 2012 а, с.16). Российское общество по-прежнему мобилизационное, а неперемное условие мобилизационного состояния - обстановка постоянной "борьбы" (Левада 2001, с.13). В начале 2000-х высказывалось мнение, что единственный мобилизационный ресурс – эксплуатация уязвленного национального достоинства русского народа (Паин 2004, с.234). Освоение технологии «новых солидарностей», сопровождающееся постоянным поиском и нахождением новых объектов ксенофобии, «новых чужих»⁵, существенно расширило ресурсы мобилизации.

Перевод различий интересов социальных групп в политическую плоскость, противопоставление одних групп другим неизбежно. Поиск расколов, поставленный на поток, с одной стороны, решает тактические задачи, затрудняя формирование оппозиционных коалиций, с другой – ведет к сегментации общества, а не его консолидации.

Ксенофобия и мигрантофобии расползаются не только благодаря расширению мобилизационной базы, но и активизации этнических антрепренеров. В дискурсе «расизма» это не только, по мнению В.А. Тишкова, бытовой расизм, но и политический расизм, основанный

⁴ При игнорировании других ценностей, в частности - «справедливости». Запрос на «справедливость» в условиях возрастающего социального неравенства ведет к фрустрации, нарастанию агрессивных настроений.

⁵ При этом названия создаваемых про-властных движений основываются на милитаристской лексике («Фронт», «Оборона»), на однозначной («Наши», «Местные»), либо ассоциативной идентификации («Сталь», «Идущие вместе»).

на партийной идеологии и находящий отражение не только в партийных программах⁶, но и практической деятельности, а также институциональный расизм, присущий таким социальным институтам как армия, школа, здравоохранение, социальная помощь, религиозные организации, и государственный расизм, обнаруживающийся в законодательстве, практиках (Зинченко, Логинова 2011, с.571).

Изменения общественного сознания и институциональной структуры – процесс трудный и долгосрочный. В то же время стоящие перед страной вызовы серьезны. Необходима продуманная и прозрачная политика противодействия нетерпимости, включающая принятие соответствующей государственной программы, создание общественного контроля над функционированием социальных и политических институтов, призванных противодействовать ксенофобии. Только в этом случае можно поставить действенный барьер эскалации ксенофобии.

Особое значение приобретают инструменты согласования интересов разных социальных и политических групп. Если в обществе доминируют ксенофобные настроения, они должны быть услышаны. Необходим диалог, «промысел смысла» (Штомпка 2012, с.327). Необходимы также институциональные преобразования, иначе ксенофобия будет оставаться не только продуктом, но и инструментом функционирования российского общества.

⁶ В программах всех парламентских партий, за исключением «Единой России», присутствуют ксенофобные тезисы (Мукомель 2012).

Библиография

- Бызов Л.Г. (2012). Представления и мечты россиян об устройстве России через призму ценностных и идейных противоречий общества // Россия реформирующаяся. Вып. 11: Ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. М.: Новый хронограф.
- Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д. (2012). Российский рабочий: социально-политические ориентации // Россия реформирующаяся. Вып. 11: Ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. М.: Новый хронограф.
- Горшков М.К. (2010). Социальные факторы консолидации Российского общества: социологическое измерение. М., Новый хронограф.
- Дилигенский Г.Г. (1998). Становление гражданского общества: культурные и психологические проблемы // Гражданское общество в России: Структуры и сознание. М., Наука.
- Дробижева Л.М., Рыжова С.В. (2010). Российская идентичность и межэтническая толерантность // Социальные факторы консолидации Российского общества: социологическое измерение. М., Новый хронограф.
- Дробижева Л.М. (2013). Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. /Л.М. Дробижева. М.: Новый хронограф.
- Зинченко Ю.П., Логинова А.В. (ред.). (2011). Толерантность как фактор противодействия ксенофобии: управление рисками ксенофобии в обществе риска. М.: Федеральный институт развития.
- Лебедева Н.М. (2011). Этническая и кросс-культурная психология: Учебник для высших учебных заведений. М.: МАКС Пресс.
- Левада Ю. (2000). От мнений к пониманию. Социологические очерки. 1993-2000. – М.: Московская школа политических исследований.
- Левада-Центр (2012 а) Общественное мнение -2012. М.: Левада-Центр.
- Левада-Центр (2012 б). Доверие институтам власти. 2 ноября 2012. получен с интернета по адресу: <http://www.levada.ru/02-11-2012/doverie-institutam-vlasti>, 26 мая 2013.
- Магун Владимир, Руднев Максим (2013). Ценностная гетерогенность населения европейских стран: типология по показателям Р. Инглхарта // // Вестник общественного мнения. N 3-4 (113).
- Мукомель Владимир (2005). Миграционная политика России: постсоветские контексты /Институт социологии РАН. М.: Диполь-Т.
- Мукомель В.И.(2011). Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики // Мир России, N1.
- Мукомель Владимир (2012). Миграционная риторика в программных документах политических партий. КАРИМ-Восток – Консорциум прикладных исследований по международной миграции, , получен с интернета по адресу: http://www.carim-east.eu/media/exno/Explanatory%20Notes_2012-51.pdf, 26 мая 2013.
- Осипов Александр (2010). На пути к осмыслению проблем расизма // Расизм: современные западные подходы: сб. ст. /Пер. с англ., фр. Сост. А. Верховский, А. Осипов. М.: Центр «Сова».
- Паин Э.А. (2004). Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. М.: Институт социологии РАН.
- Росстат (2013). Распределение общего объема денежных доходов населения, получен с интернета по адресу: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_32g.htm.

- Сасаки М., Латов Ю., Ромашкина Г., Давыденко В. (2010). Доверие в современной России (компаративистский подход к «социальным добродетелям») // Вопросы экономики, №2.
- Тихонова (2013). О чем мечтают россияне: идеал и реальность / Под ред. М.К.Горшкова, Р.Крумма, Н.Е.Тихоновой. М.: Весь Мир.
- ФОМ (2008 а). Межличностное и институциональное доверие. ФОМ, июль 2008, получен с интернета по адресу: <http://bd.fom.ru/report/map/projects/dominant/dom0826/d082621>, 30 октября 2009.
- ФОМ (2008 б). Межличностное доверие и взаимопомощь в российском обществе. ФОМ, апрель. 2008, получен с интернета по адресу: <http://bd.fom.ru/report/map/d081723>, 30 октября 2009.
- Штомпка Петр (2012). Доверие – основа общества / Петр Штомпка: пер. с пол. Н.В.Морозовой. М.Логос.
- НПИ (2012). The Happy Planet Index: 2012 Report, получен с интернета по адресу: <http://www.happyplanetindex.org/assets/happy-planet-index-report.pdf>, 26 мая 2013.
- ОЕСД (2013). Better life Index, получен с интернета по адресу: <http://www.oecdbetterlifeindex.org>, 26 мая 2013.
- Parekh Bhikhu (2008). A New Politics of Identity. Political Principles for an Interdependent World. N.Y., Palgrave Macmillan.